

Собрание подошло к последнему этапу.

И хотя Пеймон продолжала освещать недопущение войны, однако, силы в ее голосе явно не хватало. Скорее всего Пеймон тоже понимала, каков будет исход встречи. Его Высочество не задавался целью помешать Пеймон. Он просто наблюдал за Пеймон пустыми глазами, которые, казалось, восхищались единственным произведением искусства.

...Человеческие намерения проявляются естественным образом сами, и то, что люди сами выставляют напоказ, тоже действительно их намерения. Однако намерения, которые исходили от Его Высочества, и намерения, которые он раскрывал, были своеобразные, так что иногда мне было трудно их постигнуть.

Ленивый сон допоздна и наркотики по ночам – это Его Высочество. Хитрое приукрашивание войны – и это, конечно, тоже Его Высочество. Коварство, которое втайне просочилось в лень, и лень, которая дерзко обитала в коварстве. Когда бы я ни смотрела на Его Высочество, прямо паук – он мне напоминал ядовитого паука, тело которого лежало на паутине, и он спокойно спал. Весь мир было словно паутина для Его Высочества, однако если Его Высочество мирно отдыхал, это значило, что он охотился.

- ...

Внезапно Его Высочество обернулся в моем направлении. Поскольку меня воспринимали как простолюдинку, я не могла пойти к центру зала совещаний. Я могла наблюдать эту встречу только издали. В связи с этим Его Высочество стал шевелить губами. Звук не было.

Что это могла быть за игра?

Это было оскорбительное поведение по отношению к священной Вальпургиевой ночи. Непростительное. У меня слегка заболела голова.

Смотря на губы, я прочитала каждое слово, которое слетело с губ Владыки Данталиана и не было произнесено.

ал-ап-аз, ян-ем, ан, ав-онс, ыт... йын-сед-уч, ен, я, ев-зар?

Я никак не могла составить предложение.

Это не был ни габсбургский, ни франконский. С какого языка это было, я не могла... Нет. Одну секунду. Его Высочество был таким человеком, который использовал одну и ту же шутку каждый день. Если бы я прочитала это задом наперед, как делала это раньше, тогда это обретет смысл. «ал-ап-аз, ян-ем, ан, ав-онс, ыт, йын-сед-уч, ен, я, ев-зар» если бы я прочитала это наоборот, тогда...

Разве я не чудесный? Ты снова на меня запала?

...

Ощущая, как глаза у меня все суживаются, прямо как у протухшей рыбы, я стала шевелить губами.

Прошу вас убить себя немедленно.

Шутки продолжались до рассвета. В 4 часа утра Владыки Демонов наконец проголосовали, пойдут ли они на войну или нет. Это был точный результат.

Общее число участников встречи – 63 человека.

За войну – 38 голосов.

Против войны – 21 голос.

Воздержавшиеся – 4 osoby.

Поскольку одобрительных голосов было больше половины от общего числа участников, война была предопределена. Все шло в том направлении, в каком желал Владыка Данталиан. Владыка Демонов Баал 1-го ранга, Агарес 2-го ранга и Вассаго 3-го ранга не принимали участие в этой встрече, потому решение начать войну можно было считать принятым скорее поспешно, чем осторожно, но...

В чем была проблема?

Согласно закону, тут не было изъяснов.

Теперь мы могли вести войну законно. Если бы мы спекулировали на том, что функция войны – убивать человеческую расу, то как раз сейчас, на конференции секунду назад нам дали право убивать людей на законном основании. Граница дозволенности-недозволенности, построенная на смерти, которая появилась, потому что люди были недовольны после волнений о правомерных и неправомерных законах жизни, была смехотворна. Это была самая смешная шутка, которую я слышала за год. Конечно, Его Высочество Данталиан внутренне просто взрывался от смеха.

— Когда мы преподадим человечеству урок?

— Будет обоснованно выступить, когда холод немного спадет, примерно в 3-м месяце.

— Поскольку мы будем довольно активно мародерствовать, человеческая раса будет шокирована, и они сами склонят свои головы. Я соберу встречу расы и оповещу молодежь.

—Я так давно не разминался.

Лица Владык Демонов были беспечными.

Понятно. Никто не воспринимал решение о войне в полной мере. Они смотрели на это просто

как на войну ради грабежа. И это относилось только к Равнинной фракции. Горная фракция понимала это как маленькую стычку в пределах дипломатических отношений. Они серьезно обсуждали тему отправки посланника и в империю, и в королевство, чтобы сделать человеческой расе выговор за их дурные выходки. Комедия.

Как легко они выплевывали слова.

Как губительно для человека было делать выбор в пользу войны, где люди убивали и были убиты другими одними лишь словами.

Этим людям придется самим взять на себя эту ответственность.

Среди Владык Демонов только у Пеймон выражение лица было угрюмым. Увидев результаты голосования, Пеймон долго сетовала. Она прочистила горло. Предупреждение, которое она оставила, достигло потолка и отразилось эхом.

— Когда эта война началась и откуда она пришла, мы не знаем. Раз мы не знаем, когда началась война, мы не будем знать, когда она закончится. Поскольку мы не знаем, откуда пришла эта война, мы не будем знать, куда идти, чтобы ее закончить. Вы все, разве вы не чувствуете головокружение? У этой леди кружится голова. Вес жизней не должен вмещаться в легкость слов, и все же эта леди волнуется именно об этом. Что нашим солдатам придется переносить эти тяготы из-за нашей легкомысленности...

После решения собраться на Равнинах Йотунхейма в 15-й день 2-го месяца, чтобы выступить вместе, встреча была закончена.

Данталиан, Слабейший Владыка Демонов 71 ранга

07.12.1505 год по Имперскому календарю

Нифльхейм, Резиденция Губернатора

Собрание разошлось.

Я ждал, пока все выйдут.

Уставившись в темный потолок, я размышлял над словами, сказанными Пеймон. Сетования Пеймон о том, что мы не знаем, откуда это пришло и куда заведет, честно говоря, были восхитительны. В то время как другие Владыки Демонов старались проложить себе путь через облако дыма, которые мы с Барбатос распространили, Пеймон была обеспокоена тем, откуда

был дым. Только она. Единственный человек, который старался не обращать внимания на дым.

Зал совещаний был пуст. Слуги задули свечи. У меня было ощущение, словно я сам был за кулисами концертного зала, откуда актеры ушли, а зрители отбыли.

— Я прошу прощения..... Прошу прощения.....

Теперь, когда я думаю об этом.

Даже когда она потерпела крах, получив мой ответный удар в этой комнате, Пеймон приносила извинения чрезвычайно искренне. Женщина 9-го ранга со слезами приносила извинения мне 71-го ранга. Я внезапно испугался ее здравого рассудка, который мог приносить искренние извинения и искренне сетовать. Скорее всего, Пеймон не сделает такую ошибку дважды.

Пройдя сквозь пустой зал совещаний, ко мне подошла Лазурит. Затем она спросила.

- Что Ваше Высочество делаете?

- Я обеспокоен тем, придется ли мне убить одного человека.

- Это будет нелегко.

Лазурит ответила спокойно. Не было никаких признаков того, что ее удивили мои слова. Она даже не спросила, кто был тот человек, которого я думал убить. Я знал, что внутри Лазурит размышляла в точности о том же, что и я.

- Ситри всегда рядом с этим человеком.

- Ситри?

- Владыка Демонов 12-го ранга. Если бы кто-то оценил их по личной силе, то Агарес 2-го ранга выше всех, Барбатос 8-го ранга вторая, а третья - Ситри. Поскольку она следует за этим человеком как старшая сестра и не отходит от него даже на мгновение, то убийце трудно будет пробраться.

- Аах.

Я вспомнил события прошлого. Время, когда Пеймон потерпела крах после моего ответного удара, тогда была женщина Владыка Демонов, которая поддержала ее и ушла. Я не видел ее лица, но, наверно, это была Ситри.

Потом я вспомнил Торукеля. Старый купец-гоблин Торукель. Мысленно возвращаясь к этому, разве гoblin не покончил жизнь самоубийством, тоже чтобы защитить Пеймон? Я протяжно вздохнул.

- Это так. Пеймон повезло с людьми, понимаю. Ее верные подданные защищают ее, образуя вокруг нее оборонный вал, так что снаружи пробраться было бы трудно. Поскольку она такой человек, который волнуется даже о костре, который зажигают отдельные особы, это будет толпа.

- Вы это так оставите?

- Я пока не вижу средств. Верность не формируется сама по себе. Они верны Пеймон, потому что она может заполнить то, что они не способны заполнить сами. Сначала я должен узнать, чем их обеспечивает Пеймон...

Лазурит опустилась на одно колено. Она мягко прислонила голову к моему бедру. В центре пустого зала совещаний мы тихо слушали молчание друг друга.

Ощувив внезапное страстное желание прикосновения, я прижался губами к губам Лазурит. Неважно, как на это смотреть, одного часа было недостаточно. Теперь, когда встреча окончилась, я хотел заполнить то недостающее ощущение, которое осталось со времени, когда собрание еще не началось. Лазурит выдохнула.

- Ваше Высочество. Это священное место...

- Разве от этого не лучше?

Это было священное место, куда приходили только Владыки Демонов, а Лазурит была простолюдинкой. От моей жестокой шутки, когда я предложил замарать божественное место присутствием простолюдинки, Лазурит закрыла рот. Мы были сообщниками. Любовники, которых ранил мир, принесли свои шрамы и поделились ими друг с другом, но в этом не было нужды для любовников, которые пытались навредить миру. В интервалах между тем, как наши тела переплетались, в тишину глубоко врезался звук дыхания.

—...

—...

Мы соприкасались кожей как можно дольше и обвивали плоть друг друга как можно шире. Мы также как можно сильнее сдерживали наши звуки. Когда изредка ее или мои вздохи вырывались наружу, звук достигал самого потолка. Всю ночь за окном бушевала снежная буря. Казалось, что снег покрывал растрескавшиеся поля, которые были особенно безводными. Раны земли будут погребены под снегом.

К рассвету, буря стихла.

<http://tl.rulate.ru/book/378/34956>